

Ли Гевара
ПАМЯТКА
ПО ВЫЖИВАНИЮ В СЕБЕ

ДЛЯ ЕЖЕДНЕВНОГО ВНУТРИКАРМАННОГО НОШЕНИЯ

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)
Г27

Эта удивительная солнечная девушка из Севастополя ворвалась в русскую поэзию аккурат вместе с Крымом. Всем запомнилось её ослепительное выступление на Большой сцене Содружества актёров Таганки в финале Филатов-феста в 2015 году. Потом был Волошинский фестиваль в Крыму. И вот залуженная победа – Первое место на XI Всероссийском открытом фестивале молодых поэтов «Муцыри» в декабре 2015 года. В знаменитой 3-й «Театральной» аудитории Литературного института имени Горького.

Ли Гевара – поэт сценический, театральный. Каждое её выступление, даже самое краткое, превращается в маленький запоминающийся спектакль. Книга, конечно, не может предать всю полноту действия, зато вдумчивому читателю достаточно и намёка, чтобы включить воображение «на полную катушку».

Александр Чистяков, *поэт, член Союза писателей России и Русского географического общества, директор Фестиваля молодых поэтов «Муцыри».*

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

© Алина Стародубцева (Ли Гевара), текст, 2016
© Издательство РОСА, оформление, 2016.

Шаг 1
Помни о времени –
ведь время никогда не забывает о тебе

Тик. Так.

Тик. Так.

Время глядит со стен.

Стрелки хихикают: спи, чужак!

Глубже нырни в постель,

вылови сон, лети чайкой ввысь,

полный карман тепла

набери и отчаливай, не отчаиваясь,

смотри, как минуты друг с другом прощаются.

А я посмотрю на тебя.

Тик. Так.

Пора.

День в ширину антракта.

Вечер приходит в восемь утра.

Утро кипит закатом,

над кофеваркой клубясь словами,

вырванными из книг.

Публика – кактус да кот. В финале
твой монолог на пустом диване
шёпотом въедет в крик.

Воспоминания дышат
яблоками обскур.
Смотри, вот и время вышло –
вышло на перекур.

Полночь-дура, – бусины на оси,
прокрустов дурной приют, –
жалобно взвизгивает, но часы
её всё равно добьют.

Тик – указующая стрела –
как приговор: остынь.
Так – занавешивай зеркала,
проводам обрубай хвосты...

Ты хоронил часы за пятак.
Ты их снимал со стен.

Тик. Так.
Тик. Так.

И ты ничего не успел.

Шаг 2

И при этом забудь, сколько тебе лет.

Это не твоё дело

Берём одно яблоко. Делим его на два.
Нет, вы на диете; значит – на все четыре
стороны. Размусоливаем по квартире
свежевыжженные яблочные слова.

Можно добавить текста – покорчиться на полу,
представив не пол, а, скажем, асфальт
на Манежной.

Дано: четыре угла. В каждом углу – по надежде.
Сколько надежд убито в каждом таком углу?

Берём один век. Век делится без остатка.
Дольки ровны и хрустки, цифры беспечно
быстры,
но, как пела некогда группа «Контрольный
выстрел»,
«он должен успеть». До ближайшего полустанка

есть ещё две сигареты и более чем глаза.
Ответы должны быть в конце учебника,
но это простой пример.

Монализмов улыбайся: люди любят улыбочивых
полумер.
Привычку идти домой, приходя на пустой вокзал,
забывать на скамьях блокноты, падать
в московский снег,
влюбляться в глаза в метро, занашивать кеды
вдребезги,
оставляй в наследство себе-архивному,
безболезному,
кто ещё помнит панический за-автобусный бег,
кому ещё рано вести отсчёт потерянных городов.
Кто в вагоне, слившись лопатками с надписью
«не прислоняться»,
отталкиваясь подошвами от злого земного глянца,
повторяет под нос: «Он должен успеть... он до...»

Берём одну жизнь. Не делим – сама развалится.
Вычёркиваем имена, выбрасываем сбережения,
пусть всё, что есть, – дорога, не знающая
возвращений,
да улыбка, вживлённая в бледный овал лица.

Дано: одно яблоко, ощущающееся стальными
иглами в двух дециметрах над дырочками ремня.
Если 25 лет в формате вселенной – спичка
в кострище дня,
пусть она полыхает ярче эдисоновской Польни.

Я беру одну музыку. Доли сплошь четвертные.
Пульс гремит римшпотом, запястье сквозь сон
дробя.

Итого: моя долька доедена без меня.
Но, может быть, мне достанутся остальные?..

Шаг 3. Читай книги.

Слова со вкусом сигарет вдыхаются одним аккордом. Тристан не встретился с Изольдой, Гертруда кутается в плед – минздрав не поощряет яд. Моей вселенной нет на карте, но некто, как и я, азартен – он ищет небо наугад. Прищурив глаз, моя весна за ним с улыбкой наблюдает. А мне что делать – я не знаю, я собираю голоса в колоду музыкальных снов. Приветствую тебя, мой странник. Бросаю кости – вижу грани моих расшатанных основ.

Душа роняет из кармана куски непризнанных стихов.

Иду по ним, как по стеклу, по гретелевских крох стигматам, до пряничного невозврата из обгоревшего «люблю», и ветер рвёт прозрачный ток протяжностью в один эпитет. Смотри же, мой отважный зритель, как я стреляю между строк, не целясь, в сумрачный партер, по горло погружённый в осень. Закат давно темнеет в восемь, и в этом паззле полумер я – тот бродяга между сосен, плацкарт, поющий подколёсьем.

Я – чёртов коллекционер.

На стеллаже стеклянных дней, тряпичных слов и карандашных набросков «здесь», «одна», «однажды», есть полки, прочих тяжелей. На них гнездится полк бумажных, кричащих типографской сажеей, пахучих прошлым и гуашью, мной недописанных людей. В одних я не вмещусь, хоть вой. Другие велики некстати. А третьих ждёт другой издатель – или, как минимум, запой...

Но выбран наугад герой, не пропечатанный в заглавьи, не совершивший подвиг, равный удачно вставшей запятой.

«Был дубль! Отснято!» Перерыв.

Приветствую тебя, мой странный. За предрас-

светной мутной сталью наш вальс рифмуется в
надрыв. Я слышу твой гитарный бой. В который
раз тебя листая, я вижу, как, недокасаясь, бредёшь
ты – безмянный странник,
недопридуманный не мной.

Шаг 4 И снова читай книги

Ты не бойся, мой милый Чарли. Вот машинка,
строчи отчёт.
В лабиринте из строк и марли каждый прочерк
наперечёт.
Поворот не туда – и снова мышью корчиться
на плече.
Это время коротких слов и недокуклившихся
врачей.

Это мир переменных строев. В лодке – трое.
(И все – не ты.)

Так гребни же в свою историю,
пока не свели мосты,
так беги! Это сольный картинг. После порознь
погрустим.

Как меня назовут в медкарте, если сдамся
на милость им?

Каждый Роршах – всего лишь блюдце,
исчерниленное – не взять.
«Доктор, слышишь? Они смеются!
Это значит, что мы – друзья!»

Всё закончится в октябре. (...38. Отчёт готов.)

*Р. С. Элджернон на заднем дворе
не дожждётся твоих цветов.*

Шаг 5

**Смотри сны. Непременно смотри.
Большими порциями, литрами, километра-
ми... и в чём там ещё сны измеряются.**

– Я был на пороге. Я был вовне
и извне я тоже был.
Я пил мировую в любой войне,
свободен и легкокрыл.

С балкона был виден залив и луг
в кармане хмельного дня.
Я был Одиссеем. Я верил в лук,
и лук мой верил в меня.

Лети, стрела! Догоняй, стрела!
Кто спрятался – не герой.
И за углом подбери меня –
я полечу с тобой.
И за углом подожди меня –
я ведь тебя пустил.
Сквозь замутнённые времена
дай мне увидеть быль:

там, за углом, где стоит трамвай,
я знаю, – трава и ров,
Троя в объятьях спартанских стай,
Спарта в хламиде вдов;
через бетон проплыву дельфином,
морем взорвутся стёкла –
из всех отражений моя Афина
глядит на меня, синеокая.

Корабль – в бурю, душа – ко дну.
Хайре, партенос, хайр!
Я был Одиссеем. Я выбрал одну
из шедших мне Навсикай.

И горное соло сменялось на
разбитый о скалы хор
всех недолюбленных мной наяд...
Думаешь, это вздор?

Думаешь, не было тишины,
разбавленной льдом сирен,
и подвигов не было, и войны
на фоне троянских стен?

Я был Одиссеем, милая! Был!
Я видел, как плакал малыш Ахилл,
сучала по скрипу моих ветрил
Итака... как же я долго плыл!

Пой, Пенелопа, плети со мной
мнемодио ночи вспать...

– Конечно, я верю тебе, родной.
Ложись. Через час вставать.

Шаг 6
Не бойся любить.
Сколько влезет – столько и люби

Иные форточки лучше не открывать.
Слишком свежий воздух; слишком легко дышать.
Слишком громко ухнут в тебе слова –
вот уже их почти что конница, вот их рать,
и становится слишком тесна кровать
для тебя, умноженного на два.

Вот же спутались – как наушники, вынутые
из кармана,
не умеем действительно говорить, кроме
как стихами,
да и после не разберёмся в своих стихах.
Короткое замыкание. Длинное замыкание.
Мало выгнать твой запах взапей
из сердечных камер –
он застревает занозистой линией на руках.

В нарушении изоляции время закоротит.
Самое важное может случиться и взаперти.
Форточка запирается изнутри.
Нет, ты смотри на неё,
смотри,

смотри

и дыши, дыши из неё, покуда хватает места,
сквозь трахею, до альвеол.

Представь себе, что ты – тесто,
изваляйся по горло в этом чёртовом сквозняке.
Потому что (допустим), если б я был Дантесом,
я хотел бы, чтоб в детстве стало чуть больше
детства
и за миг отскользнул указательный на курке.

Потому что под капюшоном музыка шепчет чище.
Тысячи обездоменных Элли по бездорожьям
рыщут,
ни одного из обещанных Гудвинов недоищась.
Дотянись до форточки, стань на секунду нищей.
Вот закроется – и сиди себе в своём сонном
днище,
выдыхая молекулы затхлости и борща.

Мы же выдохлись, как шампанское к январю.
Уходи из меня, из города, я сам здесь всё приберу.

Моя форточка хлопает на ветру.
Я смотрю на неё.
Смотрю.
Смотрю...

Шаг 7

А самое главное – никогда не будь одинок...

Мой доктор сказал мне: знаешь, так можно
спиться.

Я шёл на свет, а дошёл до твоей палаты.
Я твой мессия, а мне ещё только тридцать.
У меня дежурство, а кажется – колизей.

Я должен помнить диагнозы и молиться,
чтоб у идущих в горы были прочны канаты,
чтобы упавшим в небо падать – да не разбиться...
А палец вниз, и Юлий кричит: «Убей!»

Мой доктор думает – мне ничего не снится.
Прописывает сибазон, промедол и выпить.
А ёлка в палате издевательски так искрится...
Доктор, бывали ли вы в Новый год один?
Я расскажу вам, как ночь безутешно длится,
как небо устало снег на неспящих сыпать,
как в зеркале незнакомец подмигивает по-лисьи,
а строчкой не выбить сердце, как клином клин...

Мой доктор сказал мне: детка, тебе б влюбиться.
Наконец-то отбросить страх, обесточить

принцип.

Вот слова тебе – высшей пробы, из нервных

волокон сшиты.

Вот стакан – так дерзай! Опрокинешь его до дна?

Мир имеет округлую форму, подогнан в проём

бойницы.

Доктор, присядьте. Мне тоже есть что сказать.

Когда докричат куранты, приветствуя факт соитья

двух похотливых вех, в единую ночь пролитых,

и на Дальнем Востоке уже соберутся спать –

незнакомец из зеркала канет во мрак больницы.

Доктор, где вы? Откликнитесь, говорите!

У меня тут шампанское, мне дозвонился Питер,

выдох – дым... И, покуда зима в зените,

доктор, вы про «влюбиться» в историю

запишите –

я добросовестная пациентка. Взлечу,

коль должна летать...

Мой доктор дома, с женой, пьёт виски и жарит

шницель.

Ему этой ночью будет кого обнять.

Шаг 8

...собственно, у тебя и не получится

В толпе, если идти по течению, можно услышать
море.

Все фото из аэропорта всегда на фоне людей.

Люди, люди вокруг, на улицах ли, в метро ли,
люди в самом огромном городе перерастают

город.

Остановись. Над тобой ведь небо, может быть –
сотня неб,

в каждом – свои созвездия, солнца и самолёты.

Остановись внезапно, как если бы вдруг услышан
был,

зажат самой звонкой струной в аккорде,

как будто бы все в плащах, только ты – в рваной
радости не по погоде,

замри... подними глаза к холсту между крышами...

Видишь – там, наверху, кто-то выронил два крыла
белой каплей на голубом одеяле ветра.

Это не солнце – бронза, не облако – тетива,

про большую любовь высотой в
10 000 метров.

И вокруг – никого, целый мир никого,
целый мир на одной ладошке.

Надо лишь превратиться в стрелу, в эту
взлётность, порывистость, срощенность
с каждой строчкой, одуванчиком пробивающейся
сквозь толщу
обетоненной глади... Ты ведь тоже так можешь.
Остановись. Дыши.

Ибо сверху и ты – невидимый, ты – кружево
пятен и линий в межоблачных редких отдушинах.
И, куда твоё публичное одиночество
не нарушено,
купи в ближайшем ларьке блокнот – и пиши.
Обо всём пиши.

И я в этот миг тоже
стану безмерно крошечной,
стану стрелой, может,
брошусь из рук монеткой
и подниму глаза: где-то там пролетает росчерком
огромная жизнь в маленькой капле, боже мой,
целая жизнь надо мной – высотой в 10 000 метров.

Шаг 9

Скажу честно: мне эта памятка пока не помогла

Я – берег. Стихи прибывает ко мне волной.
Те, что разбились о скалы – кто-нибудь да спасёт.
Я хотела бы вырасти, городом стать, страной, –
но у судьбы-злодейки слишком зубастый рот.

Я хотела бы метко, как маленький Телемах,
окропить человечество рифмами: путь открыт!
Но секундная стрелка свершает незримый
взмах,

и я вновь – одичалый берег. Мне сшил
и чуть-чуть харибд

без колец на усталых пальцах,
без героя под парусами,
что захочет навек остаться
в тени моих личных скал.

Если путник не прочь сорваться –
он сделает это сам.

А когда-то меня любили... ах, как любили!
А когда-то меня носило в облаках и бросало
в жар.

Но зубастые музы подпилили мои
строшила,
а влюблённые воины не сумели
сдержать удар –

и теперь целят в спину памятью в сотню ом
из-за зубчатых жалюзи. Кем-то стали они
в итоге?

Я бы вышла в море спасительным маяком –
да Громовержец спяну забыл мне оставить ноги.

И уходят в закат дороги,
по которым мне не идти.
Мир корёжится от изжоги,
не найдя моего пути.
В тамбуре курят боги,
дышат в стекло: «Прости».

Ты ошибся, Отче? Бывает. Не обессудь.
Не ту душу ты запер в горнице без дверей.
Не я выбирала себе этот длинный зубастый путь –
он сам меня выиграл в небеснейшей из лотерей.
Я зубами вгрызаюсь в плоть бесполезных знаний.

Я крепко сжимаю зубы, когда мне бывает трудно. А трудно бывает. Да что уж там – постоянно.

У меня, вероятно, очень плохие зубы.

Шаг 10

Но это означает лишь то...

Сестра, колите! Ведь дело швах. Талант с корнями в декабрь заморожен. Я задолбалась крутить колёса. Когда же на ноги? Всё же, всё же нет мочи видеть кривые рожи больных и хилых, кричащих «боже! Почто мне это?!..» В кровати лёжа, курю московский «diablo rossa», творя кривую кольца из носа – кольца, что Бильбо украл в горах.

Сестра, не спите! Солёный страх иглой танцует по бледной коже, берёт гитару, больной и босый, он старый аскер и он – прохожий, чуть отвернёшься – достанет ножик, рванётся в душу. Закончен прожиг, теперь всё сбудется. Мне негоже сдавать «сегодня» в хмельное «после», но парикмахер сжигает косы, и сила слова – лишь на словах...

Сестра, дышите. Вам нужно жить, не то, что мне – пятьдесят на тридцать. Ещё немного, и выйду в ноль. Плохому сну тяжело досниться, плохим мечтам не дано свершиться, и в двадцать три я устала биться. Долги за боль возвращать сторицей и слышать «милая, я не твой» – уж лучше слушать часовый бой, и быть хоть сказкой, но всё же – БЫТЬ...

Сестра, молчите. Ведь Гэндальф сыт. Он на полставки ушёл в возницы, меняет разум на циклодол, а отчий дом – на дурман столицы. Одно желание на ресницу – вернуться шелестом по страницам в начало повести, на границу, за которой девочка учит роль о той капусте, что всё ж капуста, пускай растил её сам король. О том, как молодость пережить. О том, что с ней не должно случиться, и как же заново научиться пускай до ручки – но доходить.

Шаг 11

...что на самом деле чудо – оно прямо за углом. И никакая памятка не нужна.

В окна шагают долговязые солнца,
чтобы первыми до лица дотронуться,
сцапать сон и накапать света в колодцы глаз.
Я пожму паутину их жёлтых пальцев
и внезапно узнаю, что мне – шестнадцать,
и ещё сто пятнадцать месяцев до сейчас.

И все витринные отражения неудержимо молоды,
и каждый хрустящий лист под ногами – золото,
ноги неторопливо листают каждый такой листок,
и до финала этого томного тома города
столько ещё четвергов, переодетых субботами,
а небу, наверное, кажется – весь город в один

ГЛОТОК

выпить бы, сладкий воздух бесстыдно нюхая,
разукрасить асфальт солнечными оплеухами,
посекундно творя картины на месте черновика.
Позволяю себе обратиться ко всем, кто слушает,

кто сможет смотреть на стену, а видеть грушевый,
беспричинно праздничный, как вино, закат:

ты вот, именно ты – угрюмый, разутый сонностью,
бери вдохновение, скорей выбегай из дома с ним,
выбегай в пространство уличного измерения.
Как можно жалеть о несчастной влюблённости,
если сквозь неё – приглядишься ты, опомнишься ты! –
прорастает хорошее стихотворение?

И можно споткнуться о камень, что коварно
подкрался сзади
и бросился прямо под ноги; выругаться, с досадой
дуя на оцарапанные когтями земли ладони.
А можно представить, что здесь был дом, и
была ограда,
и к дому прилип балкон, укутанный виноградом –
слышишь, а вот и песня о добром зелёном
балконе!

Или вон – первый троллейбус тащится:
проводов букет,
пузо набито людьми в предрассветном обмороке,

он зевает – и люди выходят. Конец пути.
А вдруг ему снится, что он – самолёт, и сияющ,
и лёгок он,
облака отражаются в луже – и лужа становится
облаком?
Помашем ему рукой – лети, дорогой, лети!

Дневную норму несчастий мы уже выбрали.
Выброшу руки из раскрытого рта квартирного,
небо выплюнет в них прохладный компот дождя.
Сто пятнадцать жизней. Мне их уже не вымарать.
Но, если вдуматься – большего счастья
в мире нет,
чем просто идти вперёд и каждого поворота,
как чуда,
ждать.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)
Г27

*Серия «СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР»
основана в 2008 году. Выпуск 3 (38) 2016.*

Гевара, Ли.

Г 27 ПАМЯТКА ПО ВЫЖИВАНИЮ В СЕБЕ
[стихи] / Ли Гевара. – Старый Оскол: Изд-во
«РОСА», 2016. – 28 с.

Редактор Ростислав Астров
Корректор Анастасия Ряполова
Вёрстка – Пётр Гасев

Издательство РОСА

Главный редактор Сергей Галиченко.

Российское общество современных авторов
e-mail: 885533@mail.ru   <http://www.art-rosa.ru>

Подписано в печать 08.04.2016 г. Усл. п. л. 0,81.
Формат 60x841/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Garamond. Тираж 100 экз. Заказ № 96
Отпечатано в типографии «Квадрат».

© Алина Стародубцева (Ли Гевара), текст, 2016
© Издательство РОСА, оформление, 2016.